

представил обзор публикаций такого рода, выделив наименее политизированные и наиболее информативные.

Краткие итоги работы круглого стола подвел В.Б. Катаев.

Вел заседание Д.П. Ивинский. Все доклады вызвали живой интерес аудитории, которую составили студенты и аспиранты филологического факультета, иностранные учащиеся, гости.

Г.В. Зыкова

**Вторые Некрасовские чтения
К 80-летию Вс.Н. Некрасова. 1–2 марта 2014 г.,
Литературный музей (музей А.Н.Толстого),
ГМИИ им. А.С. Пушкина (Отдел частных коллекций)**

В 2014 г Вс. Некрасову исполняется 80 лет (24 марта); процесс необходимой «канонизации», если позволено будет так выразиться, его поэзии проявился прежде всего в характере обсуждаемых вопросов – и в том, что, как это часто становилось очевидно по ходу дела и для докладчиков, и для аудитории, говоря о Некрасове, говоришь о вещах, вообще важных для русской литературы второй половины XX в.

Хотя Некрасова начали переводить уже в начале 1960-х гг., а в постсоветское время (особенно в начале 1990-х) были некоторые довольно амбициозные проекты (к сожалению, в основном нереализованные), именно в последние годы попыток¹ было особенно много (из самого недавнего – планы книг на итальянском, чешском, голландском и армянском). Чтения открыли два составивших блестящую пару, как показалось аудитории, доклада практиков, решавших конкретные и притом совершенно разные в языковом отношении задачи: перевода на итальянский (*E. Baglioni*) и родственной чешский, где кое-что звучит так же (*A. Махонинова*). Стихи, которые так явно, как у Некрасова, строятся на созвучиях и обыгрывании идиом, сопротивляются переводу по особенно очевидным причинам; «переводимые» тексты не всегда самые репрезентативные; должен ли автор (или правообладатель) предлагать переводчику эти «удобопереводимые» тексты? Заметим кстати, что организаторы Чтений располагают еще и рассказом *Г. Вутте* о том, как переводить Некрасова на немецкий: это особая история (книжку на немецком, готовившуюся с 1980-х гг., обещают в ближайшем будущем).

Описание контекста поэзии Некрасова вообще способно прояснить многое в нем самом (особенно учитывая, что история русской поэзии второй

¹ И издавать переводы целыми книгами, иногда даже и довольно толстыми: см., напр., американское издание переводов на английский, вышедшее в 2013 г.

половины XX в. пишется только сейчас и, в сущности, нам не слишком известна). В этот контекст *М. Павловец* (ИГН МГПУ) попытался впервые вписать некрасовский проект «ритмического» («потенциального») словаря, – проект, длившийся почти полвека: докладчик сопоставил его с масштабными неоавангардистскими «системами» поэта ленинградской «филологической школы» Александра Кондратова и коллективным проектом поэтов-«трансфуристов», пытавшихся систематизировать предшествующий период развития поэзии (а то и ее историю целиком), по возможности исчерпав трансформационные возможности наличествующих художественных форм. С другой стороны, «словарь» сравнивался с «серийным» творчеством концептуалистов: «стихами на карточках» Л. Рубинштейна, «азбуками» Д.А. Пригова и «Поэтическим миром» А. Монастырского. Авторская «неудача» («незавершенность») «словаря» Некрасова была понята, таким образом, как запланированная, как полемика и с эстетическим утопизмом неоавангардистов, и с поставангардистской эсхатологией, упраздняющей, по мнению Некрасова, искусство как таковое.

Подробнейшим описанием контекста, обладающим иногда неожиданной объяснительной силой, был и доклад *И. Скоропановой* (Белорусский государственный ун-т) «Авторское имя собственное в произведениях лианозовцев». Между прочим, только оценив, как настойчиво близкие Некрасову авторы эксплуатировали в стихах собственные имена, обращались к себе по имени, начинаешь понимать по крайней мере одну из причин того, почему в рабочих материалах самого Некрасова осталось так много не доведенных до состояния сколько-нибудь завершенной редакции, – а если и завершенных, то никогда не предьявлявшихся публике, – текстов с подобным обращением к себе по имени.

Среди того, что не удалось организаторам, к их огорчению и даже некоторому недоумению, – несостоявшаяся (заявок не было), но планировавшаяся секция о текстологических (в частности, эдиционных) проблемах, связанных с нонконформистской поэзией. Этих проблем обнаруживается так много, что мы были убеждены – они должны быть и у коллег, а ведь такая поэзия должна быть издана по возможности грамотно... Но собственно некрасовский текстологический доклад все-таки был о истории публикации большого поэтического текста «Из минских заметок» в самиздатском журнале «Слово и культура» (2005, №10²), о разных редакциях поэмы, появление которых, между прочим, было обусловлено и соображениями автоцензуры, свидетельствовал редактор и издатель «Слова...» *С. Трунин* (Белорусский государственный ун-т). Пользуясь случаем, заметим, что в книжном фонде РГБ есть – несмотря на крошечный тираж и нетипографский способ изготовления – полный комплект «Слова...» (11 номеров с 2002 по 2005 г.), представляющего белорусскую литературу на русском языке (само существование которой, может быть, не для всех достаточно очевидно, – и зря).

² Последнюю редакцию как основную см. в изд.: *Некрасов Вс.* Самара (слайд-программа) и другие стихи о городах. Самара: Цирк «Олимп», 2013.

Е. Пенская (ВШЭ) говорила о том, что переход от пишущей машинки к компьютеру (с 1994 г.) повлиял на структурные, содержательные способы организации текста. В частности, этот переход стимулировал и возвращение к старым проектам (напр., «Словарю») и текстам, и их изменение: эпистолярные и поэтические тексты, составленные сначала на машинке, а затем перенесенные на компьютер, по-новому соединяются, стыкуются. Как вспоминала Е. Пенская, Некрасов настаивал на необходимости работать с несколькими открытыми «окнами» как на принципиальном функциональном приеме. Конкретный случай, разбиравшийся Пенской, – оформление «немецкого сюжета», одного из центральных для некрасовской полемической системы: идеи, сформулированные в письме к Г. Беллю (1979; РГАЛИ, ф. Л.З. Копелева), – возвращаются в «Письмах немецкому другу» (Цирк «Олимп». 1996. №14), «немецких» стихах из сборника «Пакет» (1996), в книге «Дойче Бух» (1998). Слушатели стали тут же прикидывать, для кого еще из ровесников Некрасова переход к компьютеру (у всех происходивший примерно тогда же, в середине 1990-х гг.) тоже мог стать фактором эволюции поэтики, а не только фактом биографии.

2 марта Чтения проходили в здании Отдела частных коллекций ГМИИ, куда больше года назад было передано некрасовское собрание русской живописи и графики 1950–2000-х гг. (Э. Булатов, О. Рабин, О. Васильев, В. Немухин, Л. Мастеркова, Е. и Л. Кропивницкие и др.) Куратор проекта А.Ю. Чудецкая говорила о предполагающейся первой выставке коллекции как музейной собственности – летом этого года в Самарском художественном музее (80 объектов, а передано более 300³), о том, что для этой выставки уже удалось отреставрировать нуждающиеся в срочной помощи объекты, и о планах в обозримом будущем издать каталог коллекции.

Доклады второго дня Чтений отчасти были предопределены местом: Ю.Б. Орлицкий предложил классификацию визуально действующих приемов у Некрасова, но приемов таких, которые связаны с речью и передают интонацию (знаки препинания, в том числе резко индивидуальные, шрифт, отступы-интервалы как симптомы пауз разной величины⁴). Заметим, что оппозиция «визуальное – речевое (слышимое)», вообще часто возникающая, когда обсуждается современная поэзия или способы ее адекватного воспроизведения, довольно часто возникала и на Некрасовских чтениях: между прочим, Е. Baglioni, говорившая не просто о переводах Некрасова на итальянский, но и о том, как воспринимаются стихи Некрасова на фоне итальянского конкретизма, свидетельствовала, что конкретизм итальянский и

³ Список см. на сайте, посвященном Вс.Н. Некрасову и А.И. Журавлевой: <http://www.vsevolod-nekrasov.ru/Media/Files/Dogovor-dareniya-s-Muzeem-chastnyh-kollekcij-GMI>

⁴Здесь, как это постоянно бывает с текстами Некрасова, сразу обнаруживается проблема источников, редакций, расхождений между машинописью и компьютерным набором, особенностями неизбежного «перевода» языка машинописи на язык печатной книги и т. п.

вообще европейский, в отличие от русского и от стихов Некрасова в частности, стремится уйти от речи как таковой ради чистой визуальности.

Об этом напряжении между речевым и визуальным сам Некрасов говорил в известной статье «Объяснительная записка», которую обычно цитируют, обращаясь к этому вопросу. В личном архиве Некрасова сохранился еще один весьма выразительный текст: письмо об объекте («книге») французского художника С. Софоне, построенном как интерпретация некрасовского текста «Рост». Самописьмо мы только что опубликовали на некрасовском сайте

<http://www.vsevolod-nekrasov.ru/Tvorchestvo/Pis-ma/Pis-mo-Mrezhanu-o-knige-C.Sofone>,

где можно сейчас получить некоторое представление и о книге Софоне:

<http://www.vsevolod-nekrasov.ru/Mul-timedia/Foto/C.Sofone-STNHN-Paris-1992>
(29 экземпляров, в личной коллекции Некрасова один).

Собственно герменевтические доклады рискнули сделать люди, знавшие Некрасова давно и очень хорошо: М.Я. Шейнкер⁵ и критик Владислав Кулаков, работе которого в девяностых-двухтысячных мы в значительной степени обязаны тем, что сейчас можем говорить о достаточно проясненном для многих месте Некрасова в русской литературе. Кулаков говорил про обращение к детству как о важнейшей теме поздней лирики, как о естественном ее финале (заметим, что справедливость этого наблюдения может быть подтверждена некоторыми подобными: например, М.А. Сухотин находил у Некрасова 1990–2000-х гг. множественные римейки некрасовских же стихов 1950–1960-х).

М.Я. Шейнкер разбирал «увидеть Волгу / и ничему не придти в голову» как принципиальный отказ от ожидаемых тематических ходов (от того, что было, напр., у Н.А. Некрасова), утверждая, что Некрасову свойственен отказ не только от тематических штампов, но и вообще от всего отвердевающего, узнаваемого, – прежде всего от узнаваемого авторского стиля.

Напоследок речь зашла о необходимости книги избранного, книги, которая была бы адресована менее узкой аудитории, чем прижизненные (почти самиздатские) сборники или посмертные издания, с иной точки зрения перегруженные решением специально текстологических задач. Избранное нужно, кстати, еще и потому, что в последнее время Некрасов попадает, – хотя мы не так оптимистичны, чтобы увидеть в этом явную тенденцию, – и в университетские, и иногда даже в школьные курсы литературы.

⁵Некрасов был постоянным участником семинара Шейнкера – Чачко в семидесятые годы; интервью с Михаилом Яковлевичем об этом см. в книге воспоминаний о Некрасове, которая выйдет в юбилейном году.